

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ И АРМЕНИЯ
(К 130-летию со дня рождения)

Илья Григорьевич Эренбург (1891-1967) – выдающийся русский писатель, поэт, переводчик, публицист и общественный деятель европейского масштаба. Его многогранное и богатое творческое наследие хорошо известно, изучено литературоведами как в России, так и за ее пределами.

Армения одной из первых ощутила величие духа и силу слова одной из самых знаковых литературно-общественных фигур XX века на российско-европейском горизонте. Первые произведения Эренбурга на армянском языке появились в двадцатые годы. Армянский читатель знаком на родном языке с более чем двумя десятками сочинений писателя, в том числе такими крупными, как романы «Падение Парижа», «Буря», «Девятый вал»...

Непосредственная встреча Ильи Эренбурга с Арменией произошла поздно, в конце пятидесятих годов. Однако писатель гораздо раньше стал проявлять интерес к армянскому народу и его гордой стране. Он был хорошо знаком с известными армянскими писателями, художниками, общественными деятелями. Безусловно, самыми яркими личностями из армян, с которыми судьба свела Эренбурга, были поэт Аветик Исаакян и художник Мартирос Сарьян, эти «незабываемые», по выражению писателя, «величины».

Одна из первых встреч Эренбурга с представителями армянской творческой интеллигенции состоялась в Париже, во время Международного конгресса в защиту культуры, проходившего летом 1935 г. в столице Франции. По воспоминаниям одного из участников этого форума Ваграма Алазана, Эренбург с большим вниманием относился к советской делегации, повсюду сопровождал своих собратьев по перу, оказывал всяческое содействие, проявлял искреннее радушие и гостеприимство. Запомнилось армянскому писателю приглашение Эренбурга в испанский ресторан «Андалузия» в Париже нескольких советских писателей, в том числе и его самого.

Из теплых дружеских встреч в Париже с Ильей Эренбургом, «опекавшим» армянских литераторов на конгрессе, Алазан вынес самые восторженные впечатления, отмечая в нем «товарищеский дух», «скромность», «высокую культуру». Говоря о личном общении с Эренбургом, армянский писатель подмечает, что он относился к своим «национальным» собратям по перу (в частности, к нему и Галактиону Табидзе) не как «к никому не известным» представителям нацменьшинств, делая некую скидку в общении, а как к «равным писателям равных народов, как к равным товарищам»¹.

В суровые годы войны на поле брани Илья Эренбург встретился еще с одним прославленным армянином – Иваном (Ованесом) Баграмяном. По воспоминаниям военачальника, это было в июле 1942 г. в районе Жиздры, где советские войска под его командованием прорвали мощную оборону фашистов. Однако сопротивление врага было яростное. И в этот критический период на фронте появляется военный корреспондент Эренбург. Он рвался на передовую, чтобы «своими глазами увидеть, как фрицы драпают». Конечно, Баграмян «предоставил» Эренбургу возможность увидеть драпающих фашистов... Полководцу хорошо было знакомо имя талантливого писателя и публициста. Газеты с его статьями, вспоминал Баграмян, являлись в ту пору «лучшим агитационным материалом», зачитывались «до дыр». «Перо Эренбурга воистину было действеннее автомата»². Для Баграмяна имя и жизнь Ильи Эренбурга были не только символом высокой бескомпромиссной литературы, но и примером преданного делу мира человека в кровопролитный двадцатый век...

...В сентябре 1959 года, по приглашению Мартироса Сарьяна, Илья Эренбург с супругой впервые посетил Армению. Общение с всемирно известным художником, с другими деятелями культуры не могло не оставить глубокого следа в душе Эренбурга. Армянская земля предстала перед взором писателя во всей своей красе – Севан и Ошакан, Гарни и Гехард, Эчмиадзин и Звартноц, неповторимый Арарат... Восхитил Эренбурга и кладезь мудрости – Матенадаран.

¹ Վահրամ Մազան 1936, Դիվաններ և որջեր (Տպագրություններ արևաաշհմանից), Երևան, «Պետհրատ», 64-65:

² Илья Эренбург 1988, Об Армении и армянской культуре, Сб. материалов, Ереван, изд. АН АрмССР, 111-112 (далее цитаты из этой книги приводятся в тексте).

В одном из своих выступлений Эренбург сказал: «Мне обидно, что я увидел Армению впервые уже в конце моей жизни. Впрочем, может быть, и в этом есть хорошая сторона. Говорят, что первая любовь самая сильная, но не самая умная. В конце жизни лучше видишь все, как-то лучше понимаешь, и Армения мне открыла много нового. Я увидел страну с огромными традициями, но эти традиции, это большое прошлое, порой тяжелое, не вяжет народ, а оно дает ему крылья... Меня пленил армянский народ своей мудростью, добротой, вдохновением и вместе с тем сдержанностью, внутренней большой страстностью. Это большой народ. Большой... Я счастлив, что побывал в Армении» (с. 34, 39). Свою любовь и уважение к армянскому народу и его культуре Илья Эренбург неоднократно выражал в выступлениях, статьях, письмах. Известны его статьи о Сарьяне, Чаренце, Галенце, воспоминания и высказывания об Аветике Исаакяне, Наири Зарьяне, Геворке Эмине и др. Деятели культуры Армении способствовали более глубокому восприятию Эренбургом современной армянской действительности, ее материальных и духовных ценностей. Так, Эренбург признавался, что Сарьян помог ему увидеть Армению, ее цветущие сады и раскаленный камень, а Чаренц открыл ему страстное сердце борца, товарища, поэта. В статье «Мертвые остаются молодыми», написанной в 1957 г. к 60-летию Чаренца, Эренбург так характеризовал армянского поэта: «Обожженный солнцем, скромный и пронзительный, дерзкий и нежный, вечно молодой – он и для веков сохранит свою молодость» (с. 33).

Неоднократно писал Эренбург о своем армянском друге Сарьяне. Еще в 1956 г. на выставке произведений художника в Москве писатель был восхищен полотнами Сарьяна и поделился своими впечатлениями в статье «На выставке М. Сарьяна». Другая работа – «Неистовый Сарьян» – была написана к 80-летию живописца и также опубликована в центральной, а затем и в армянской печати. В 1965 г. по просьбе кинорежиссера Лаэрта Вагаршяна Илья Эренбург написал дикторский текст к кинофильму «Мартирос Сарьян», отразивший многоплановый портрет армянского Варпета.

Героический облик сынов армянского народа воспет в военной статье 1942 года «Кавказ». В ней – не только клич к народам Кавказа встать грудью на защиту родного края от фашистских орд, но и призна-

ние в любви россиянина к Кавказу: «Любовь русской поэзии к Кавказу – это любовь к свободе. Среди скал и людей Кавказа первые русские романтики учились неистовству. К Кавказу припадали, как к ключу вдохновения, Пушкин и Лермонтов, Маяковский и Тихонов. Кавказ был для них не декорацией, не пейзажем, но школой отваги и непримиримости... Не случайна связь народов Кавказа с русским народом, – любовь к свободе, жажда правды, общая судьба связали их навеки. Нет кавказца, который не считал бы Пушкина своим, и нет русского, который без волнения слушал бы сказания и песни Кавказа. Вся Россия гордится Кавказом, как высотами культуры и как выражением своих сокровенных чувств» (с. 19-20).

Мысли Эренбурга об Армении и армянах, высказанные десятилетиями назад, порою весьма созвучны и нынешнему тревожному времени. Маститый писатель, в частности, писал: «...я понял, что в армянах страстность и непосредственность сочетаются с душевной сдержанностью». Далее Эренбург напоминает о страшной недавней истории, когда по всей Турции уничтожали армян: убивали их в горных ущельях, топили в море, и приходит к выводу: это было первым опытом геноцида. «В наш век национализм повсеместно торжествует, – продолжает писатель. – Однако нужно уметь отличить память об убитых от памяти убийц. Чувства армян мне понятны. Исчезла Западная Армения – изумительные памятники древнего зодчества, традиции – от высоких мастеров раннего средневековья до молодых писателей начала нашего века. Уцелевшие рассеяны по всему свету... Для любого армянина Арарат, который высится над Ереваном, – тень растерзанной Западной Армении» (с. 51-52).

Умудренный жизнью, воспитанный на европейском гуманизме, писатель, лишь на склоне лет «вкусивший» Армении, смог безошибочно определить ценностные ориентиры армянского народа, познать душу и сердце армянина: «Патриотизм армян обострен, подчас он может показаться испуганным, но никто не спутает его с шовинизмом, отрицающим чужую культуру, и никто не назовет его провинциализмом. Кажется, среди армян я не встречал людей, чуждых идее интернационализма... Не будучи злопамятными, они никак не хотят отказаться от памяти, видя в ней прерогативу человека» (с. 53).

Илья Эренбург очень высоко ценил армянское искусство и литературу. Он считал, что армянский глаз веками воспитан на подлинном искусстве, а Армения – край искусства. Писатель ощущает единство армянской истории и культуры: «Армянское искусство сдержанно в своей страстности, оно сродни строгому пейзажу Армении, оно сродни большой и подчас трагической судьбе самого народа. В нем много воли, много мудрости». Эренбург делится в своих воспоминаниях мыслями об армянской литературе. «Я издавна по переводам знал и любил армянскую поэзию, – пишет он, – считая ее большой поэзией всего человечества от ее древнего эпоса до современников моих. Я счастлив, что мне удалось лично знать Исаакяна, большого поэта нашего века... Его переводили на все языки, его любили» (с. 36).

Армения ответила великой любовью великой личности – о жизни и творчестве Ильи Эренбурга, о встречах с ним тепло и сердечно писали многие видные деятели армянской культуры.

Поэт Геворк Эмин подчеркивал: «Эренбург адресует свои произведения всему человечеству, всем простым людям мира, заставляя их задумываться над теми проблемами этого созидющего и разрушающего, доброго и жесткого века, от которых зависят судьба и будущее человечества» (с. 117-118).

Мартiros Сарьян, чье искреннее радушие и гостеприимство испытал на себе русский писатель, писал в статье «Другу Армении»: «Нет такой страны, большой или малой, которая выпала бы из поля зрения Эренбурга, нет такого человека, в той или иной мере олицетворяющего нашу эпоху, который не ожил бы на страницах его книг. Это удивительный писатель, упорно, неустанно ищущий пути и формы единения мысли и воли передовых людей всего земного шара. Это удивительный художник и мыслитель, призванный следить за всеми сложными превращениями самого духа XX столетия, отражать их и обобщать. Ничто и никогда не ускользало от его умного зоркого взгляда».

Сарьян с благодарностью отмечает интерес Эренбурга к армянской земле: «Он увидел и нашу Армению и полюбил ее, маленькую, но, как сказал бы сам Илья, великую духом страну. Он увидел нас, узнал и рассказал о нас всему миру, он понял сердцем все наше долгое трагическое прошлое, он принял с восхищением наше зодчество, музыку, литературу,

живопись и заговорил о нас и с нами, с целым миром так, как может только он, Илья. Спасибо, друг, за то, что ты столько сумел увидеть у нас и почувствовать. Мы будем помнить и любить тебя всегда, потому что цену истинной дружбы знаем хорошо» (с. 108-109).

...Ушли в вечность корифеи армянской культуры XX века – Аветик Исаакян, Мартирос Сарьян, Егише Чаренц и многие другие, кого хорошо знал Илья Григорьевич и кто связывал с нашей многострадальной землей Гражданина Мира. Нет ныне рядом с армянским народом, вновь переживающим судьбоносные времена, мудрого советчика и друга Ильи Эренбурга. Но навсегда в памяти армян слова, сказанные им в преклонении перед библейской страной и великим народным духом: «Воздух Армении придал мне силы...».

РОБЕРТ БАГДАСАРЯН

Доктор филологических наук